

Б. фон Барсевиш

АРХИВ БАРОНОВ ФОН КАМПЕНХАУЗЕН ИЗ ЛИФЛЯНДИИ

Вторая мировая война привела к огромным утратам культурных ценностей, что несомненно повышает значимость материалов, которые удалось сохранить. К ним относится и родовой архив баронов фон Кампенхаузен из Ореллен/Лифляндия, об истории формирования и о фондах которого пойдет речь в данной публикации. Прежде всего, с точки зрения связи представителей этого рода с Российской империей.

Для лучшего понимания этого архива нам следует сделать краткий обзор истории семьи. Насколько известно и подтверждено документально сегодня, эта история начинается в конце XVI в. в Любеке с переселившегося в этот город *Херманна Кампхузена* (Hermann Kamphusen, умер в Любеке в 1627 г.). Его сын (умер в 1655/56 г.), носивший такое же имя, выехал как купец в Стокгольм и получил здесь в 1622 г. право гражданства. После крупных первых сделок, прежде всего в сфере виноторговли, и сотрудничества со своим весьма зажиточным тестем *Эриком Ларссоном фон дер Линде* (Erik Larsson von der Linde) удача отвернулась от Херманна. Из-за отсутствия необходимого для продолжения занятий торговлей капитала или же следуя своему призванию, его сыновья перешли в другое сословие и стали военными.

В 1675 г. одному из них, *Йоханну* (также Иогану Херману) *Кампхузена* (Johann/Johann Hermann Kamphusen, Стокгольм, 1641—Рига, 1705) в Швеции было пожаловано дворянство с присвоением фамилии «фон Кампенхаузен». Он умер в 1705 г., будучи в это время комендантом Рижской крепости. В семье сохранился единственный документ на пергаменте, принадлежавший отцу Йоханна и касающийся торговли в Стокгольме, датированный 1641 г. Таким образом, рассматриваемый нами архив в основном начинается после завершения Северной войны.

Сын коменданта Рижской крепости генерал-лейтенант *Бальтазар*, с 1744 г. шведский барон *фон Кампенхаузен* (Стокгольм, 1689—Санкт-Петербург, 1758), начав свою карьеру на военной службе в Шведском королевстве, в 1711 г. перешел на сторону России, где занимал затем высокие посты. В 1723 г. он стал государственным советником (Landrat)

в Лифляндии, играя важную роль в системе самоуправления страны, а в 1742 г. — генерал-лейтенантом и губернатором Лифляндии. Его первая жена Маргарет Лилиенгрэн (Margarete Liliengreen, 1679—1733, вышла замуж в 1712 г.) была придворной дамой. Вторым браком (1736) с весьма искусной хозяйкой Хелене Юлиане, урожд. фон Штрэльборн (Helene Juliane geb. v. Straelborn, Ревель, 1703—Ореллен, 1775) состоялся при содействии Херрнхутской общины (Herrnhuter Gemeinde), с которой оба супруга поддерживали тесные отношения. Последующие поколения тоже были убежденными приверженцами этой общины. В 1744 г. Бальтазар получил титул шведского барона. Впоследствии, в XIX в., семья сохранила баронский титул и в России. От брака с Катариной фон Циммерманн у Бальтазара был сын *Кристоф барон фон Кампенхаузен* (Christoph v. Campenhausen, Кенигсберг, 1716—Рига, 1782), который стал правительственным советником в Риге. Однако история его рода прервалась на несчастном сыне *Пирсе* (Pierse, Рига, 1746—Рига, 1807).

Другие сыновья генерал-лейтенанта погибли при исполнении своих воинских обязанностей. Таким образом, его младший сын *Бальтазар фон Кампенхаузен* (Balthasar v. Campenhausen, Ореллен, 1745—остров Моон, 1800) является ключевой фигурой семейного архива (см. вклейку, ил. 1). Получив основательное образование в университетах Германии, во время путешествий и на военной службе, он посвятил себя служению государству, став вице-губернатором и губернатором Лифляндии. При императоре Павле I попал в немилость из-за доноса и был уволен со службы. Однако, когда отличавшийся «правдолюбием» император узнал о полной невиновности Б. фон Кампенхаузена, он призвал его в 1797 г. на службу в Санкт-Петербург, назначив сенатором и членом Государственного совета. Занимая эти посты, Б. фон Кампенхаузен скончался в 1800 г.

Сенатор Бальтазар имел столь высокое мнение о воспитании в Херрнхуте, что отправил четырех своих малолетних сыновей в Германию, где они окончили школы, а затем получили университетское и военное образование. Лишь старший сын, *Бальтазар фон Кампенхаузен* (в России — Бальтазар Бальтазарович фон Кампенхаузен, Ленценхоф, 1772—Санкт-Петербург, 1823), вернулся в Санкт-Петербург, где стал государственным контролером, заместителем министра внутренних дел Виктора Павловича Кочубея и где прожил до самой смерти, последовавшей в 1823 г. в результате несчастного случая во время поездки в карете (см. вклейку, ил. 2). Детей у него не было. О дальнейшей истории семьи речь пойдет ниже.

Наиболее значимой фигурой стал второй из трех упомянутых выше не возвратившихся после обучения в Германии братьев, *Херманн* (Ленценхоф, 1772—Ореллен, 1836), ученый-одиночка и хранитель нашего семейного архива в Ореллене, получивший пост государственного советника (Landrat) в Лифляндии. Однако продолжателем рода стал его брат *Кристоф* (Christoph, Ореллен, 1780—Лейпциг, 1841), который был женат на Мари Клементине (Marie Clementine) из весьма состоятельной семьи барона фон Вольф (Wolff) в Лифляндии.

У Кристофа было четверо сыновей, ставших родоначальниками собственных, частично угасших родов. Однако их деятельность и деятельность их потомков ограничивалась почетными постами, которые они занимали в своих владениях и в системе самоуправления Лифляндии, где исполняли обязанности ландратов или епархиальных судей. Лишь *Леопольд* (Leopold, Вессельсхоф, 1828—Рига, 1895) стал секретарем российской дипломатической миссии в Копенгагене. Русификация все больше оттесняла на второй план этих немецкоязычных лютеран, несмотря на все их старание на российской государственной службе и непоколебимую лояльность по отношению к императорскому дому.

Второй сын Кристофа, *Эрнст* (Ernst, Вессельсхоф, 1813—Бордо, 1877), получил в наследство поместье Ореллен и архив, которое затем унаследовал его старший сын, доктор юриспруденции *Бальтазар Максимилиан* (Balthasar Maximilian, Ореллен, 1843—Рига, 1905), а после него — доктор филологии *Бальтазар Армин* (Balthasar Armin, Ореллен, 1870—убит в Вендене в 1919 г.). После основания Латвийского государства и лишения прав собственности имением Ореллен управляла его вдова Лилли, урожд. фон Левис оф Менар (Lilli, geb. v. Loewis of Menar, Липскальн, 1876—Моорфельде/Вартхегау, 1942). Однако в этой ситуации она жила в «домике» напротив старинного поместья до тех пор, пока Латвия не была присоединена к СССР, вследствие договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28.09.1939 г. Ее сын, доктор юриспруденции *Бальтазар Эрнст* (Balthasar Ernst), родился в 1898 г. в Лифляндии, учился в Германии и стал здесь судьей (Amtsgerichtsrat). Он погиб в 1941 г. в России в звании обер-лейтенанта, воюя на стороне Германии,

Как же отражена история этой семьи в имеющихся архивных материалах? Разумеется, важные связанные с военной службой и личные документы генерал-лейтенанта *Бальтазара* сохранялись наиболее тщательно. В 1727 г. он приобрел имение Ореллен и за счет доходов от военной службы в 1730 г. смог построить одно из первых поместий в опустошенной после Северной войны стране. Этот достойный дом частично сохранился и сегодня. Использовавшаяся для строительства модель дома, вывезенная в свое время из Санкт-Петербурга, сохраняется в семье до сих пор. По стилю он должен был напоминать каменные здания, которые возводили в Санкт-Петербурге в петровскую эпоху. Однако латвийские плотники выполнили его целиком из дерева. Помимо сохранившихся или отреставрированных настенных росписей дома в семейном архиве находятся и расчетные книги.

После лишения семьи с 1918 г. прав собственности дом в Ореллене был заселяем только в летний период. После Второй мировой войны его незначительно перестроили, использовали под школу, и он сохранился до наших дней, хотя и в плохом состоянии. Благодаря усилиям директора замка-музея Руэнталь/Рундале доктора Имантса Ланкманиса удалось организовать выставку и, таким образом, привлечь внимание общественности на этот ценный памятник архитектуры и начать реставрацию. Сегодня Ореллен/Унгурмуица является туристической достопримечательностью Латвии.

Рассматриваемый здесь архив вплоть до выселения — «репатриации» семьи (спрашивается, куда можно репатриировать семью, веками проживавшую в Лифляндии?) после заключения в 1939 г. пакта Гитлера—Сталина¹ находился в поместье в Ореллене. Все ценности хранились в ящике, где также лежали старые документы о владении, завещания, материалы о межевых спорах и судебные решения. К ним добавляются дела генерал-лейтенанта Бальтазара фон Кампенхаузена, касающиеся его военной карьеры и гражданской деятельности.

Сын его, сенатор Бальтазар, значительно расширил это собрание. И не только за счет собственных документов. Когда в Риге умер его старший сводный брат, правительственный советник Кристоф, или, вероятно, в 1791 г. после смерти его вдовы, он взял себе многие деловые бумаги, которые обнаружили у него совершенно неожиданно. Однако сын Кристофа Пирс в то время находился в России и позже несчастливо закончил свою жизнь в Риге, будучи в долгах. Другие первоначально принадлежавшие генерал-лейтенанту архивные материалы, например диплом шведского барона, должны были перейти в наследство Роденпуа к дочерям Кристофа, в браке фон Берг и фон Будберг. Сегодня это невозможно подтвердить документально.

Необычное собрание документов оставила жена и вдова генерал-лейтенанта, Хелене Юлиане, урожденная фон Штрэльборн. Она вела книги расчетов с различными ремесленниками, придворными чиновниками. Регистрировала, сколько кирпичей было обожжено, сколько шерсти было выдано для прядения, вела журнал содержания скота, птицы и хозяйства всего поместья. Таким образом, сохранились даже листки с записями, позволяющие ознакомиться с повседневной жизнью, которые почтительно хранил ее сын, сделав надпись на конверте: «Всяческие мелкие бумаги из конторки моей горячо любимой матушки, которые хотя и совсем ничего не значат, но от которых невозможно отказаться из уважения к столь бесконечно дорогой в моей жизни руке».

Именно ознакомление с этой записью позволило мне осознать всю уникальность архива, содержание которого выходит далеко за рамки обычных документов и деловых бумаг. В нем имеются очень личные материалы. О том, как Хелене Юлиане отправила своего сына, будущего сенатора Бальтазара, на учебу в Германию, и, будучи студентом и военным, при посредничестве общины Херрнхут, он привел в свой дом в Прибалтике происходившую из Альтмарка жену, Зофи Элеоноре Вольдек фон Арнебург (Арним, 1744—Аренсбург/Эзель, 1791), с которой вступил в брак в 1767 г. Переписка между матерью и сыном и, отчасти, с родителями его жены придает архиву в высшей степени камерный характер. К тому же большое значение имеет подробный дневник Бальтазара о своих поездках на учебу в Европу и о самой учебе.

Сестра Бальтазара Марта (Ореллен, 1737—Херрнхут, 1822), которая была замужем за генералом Адамом Райнхольдом фон Баранофф, овдовев, временно переселилась к своему брату, однако затем уехала в Херрнхут. В архиве также сохранились личные письма. Они были приобщены

¹ Здесь и далее имеется в виду договор о ненападении между Германией и СССР (пакт Молотова—Риббентропа) от 23.08.1939 г.

к Орелленскому архиву ее племянником, ландратом Херрманном. Кроме того, толстые пачки писем свидетельствуют о том, с каким участием Бальтазар фон Кампенхаузен вплоть до своей смерти в 1800 г. следил за учебной работой сыновей в Германии, направлял ее и участвовал в ней, критикуя, содействуя, требуя и возмущаясь, когда дети не придерживались его херрнхутских идеалов. При этом он также хотел, чтобы сыновья прошли тернистый путь: они должны были жить в благочестии и воздержании, а с другой стороны, оставаться при дворе, хотя им и запрещалось играть в карты или танцевать.

В Ореллене сенатор Бальтазар прожил несколько лет, будучи вице-губернатором Лифляндии, он жил, в основном, в Аренсбурге и Эзеле, в Рижском замке. А вообще, благочестивая, однако несколько старомодная усадьба в Ореллене казалась ему местом, не соответствовавшим его тогдашнему положению. Он приобрел более современный и внушительный Вессельсхоф и надеялся провести там оставшиеся годы своей жизни после отставки в 1797 г., что, однако, не удалось в связи с его отзывом в Санкт-Петербург.

При разделе имущества между сыновьями самый ученый из них, ландрат Херрманн, получил дом в Ореллене и вместе с ним архив. Многие из его личных материалов, документы о владении и хозяйственные бумаги дошли до наших дней. Но наиболее важной для нас является обширная переписка Херрманна со своими братьями и сестрами. В архиве также сохранились материалы о его научной деятельности в качестве председателя Латвийского Библейского общества и Лифляндского института изучения античности.

После смерти бывшего бездетным Херрманна его интересовавшийся историей племянник Эрнст (сын Кристофа), состоявший в браке с Мари фон Смитте, к счастью, получил в наследство Ореллен и архив, хранившийся в одном и том же месте уже 100 лет.

Следует также упомянуть о том, что произошло с архивными материалами трех братьев Херрманна: государственный контролер Бальтазар в своем завещании распорядился о том, что его научные манускрипты должны получить в наследство Херрманн, поэтому они находятся в архиве. Однако после смерти Бальтазара фон Кампенхаузена значительная часть его бумаг была конфискована российским правительством. В Москве, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 188, оп. 1) хранятся указы, грамоты о назначениях и пр.

В рукописном фонде Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге неожиданно была обнаружена часть документов, связанных с Бальтазаром фон Кампенхаузенем. Это можно объяснить лишь тем, что после смерти барона были официально собраны университетские свидетельства и прочие документы, переписка с ним императора и других лиц. Его вдова, Прасковья, урожд. фон Перитш, которую в семье не любили, будто бы хранила частную переписку барона и семейные фотографии, но остальные члены семьи никогда их не видели.

Те документы, которые якобы получил Кристоф, наследник Вессельсхофа, а также многие фотографии были уничтожены во время пожара в поместье в 1843 г. Младший брат Лоренц получил в наследство

из владений своего брата Бальтазара поместье Трайден, которое перешло к его дочери Нинетте, в замужестве Штэль фон Хольштайн. Однако весь архив переехал в Вартхегау при переселении семьи после заключения договора о дружбе и границе между СССР и Германией, и спасти его, как и многих спасавшихся запоздалым бегством прибалтийцев, не удалось.

В Ореллене после смерти Эрнста поместье и архив унаследовал его сын Бальтазар, а затем — старший сын последнего. За исключением некоторых изготовленных членами семьи копий и скорее случайных дополнений, архив оставался в этом же месте до конца Первой мировой войны. Он хранился в соседнем поместье Грос Рооп в каменном доме барона фон Розена и избежал участи разграбленного дома в Ореллене, когда, например, была опустошена ценная библиотека со многими документами из Херрнхута. В 1919 г. после гибели доктора Бальтазара барона фон Кампенхаузена его вдова оставила архив в Роопе, в то время как сама проживала в деревянном домике напротив основного дома в Ореллене.

В ходе проведенного в результате заключения договора о дружбе и границе между СССР и Германией выселения, совершенно неожиданного для прибалтийцев, т. е. «немецких прибалтийцев», или, как их называло немецкоязычное население, «прибалтийских немцев», произошла необычная и благоприятная для драгоценного Орелленского архива перемена. Он не был перемещен, как большинство других документов, в предоставляемое взамен поместье (в данном случае — Моорфельде в Позене, Вартхегау), откуда только что изгнали польских владельцев. Спасти его оттуда в 1945 г. в ходе последующего бегства из страны, означавшего гибель многих других архивов, было бы уже невозможно.

К счастью, двоюродный брат фон Кампенхаузена Оскар (родился в 1899 г., погиб в Литве в 1944 г.) в 1931 г. женился на Гудрун, баронессе фон Штайн цу Норд- унд Остхайм (Gudrun v. Stein zu Nord- und Ostheim, Мейнинген, 1903—Фулда, 1968), наследнице лесного поместья Верда под Хюнфельдом в земле Хессен. Не доверяя сложившейся в Вартхегау ситуации, где члены семьи считалась управляющими, а не владельцами бывшего польского поместья, она доставила семейные портреты и архив в Верду. Но и это произошло не без осложнений. Латвийский отдел по культурным ценностям УТАГ разрешил вывезти большую часть архива, однако перед этим осмотрел фонды и изъял документы, объявленные представляющими ценность для истории страны. Это могло касаться и некоторых старых документов на пергаменте без проставления порядковых архивных номеров, в связи с чем установить, какие из них были утрачены, сегодня едва ли возможно. Были реквизированы и остались в Риге и многие хозяйственные книги, относящиеся к поместью Хелене Юлиане фон Кампенхаузен. Помимо этого в Латвии остались некоторые документы из уже упорядоченных архивных фондов. Вопрос о том, имеют ли они какое-либо значение для истории страны, остается открытым. Впоследствии было очень трудно отыскать следы этих конфискованных документов в Риге. В советские времена латвийский архив смог дать лишь уклончивые справки об этих немецких

документах в составленных на русском языке письмах. Все было в таком беспорядке, что ничего нельзя было найти.

Между тем сотрудники Государственного архива Латвии в Риге произвели гораздо более точный учет фондов, при этом идентифицировали целый ряд документов, находившихся в конвертах архива Кампенхаузена, и предоставили фотокопии для пополнения имеющегося у нас в настоящее время собрания документов.

В Верде архив был в 1939 г. сохранен и тщательно оберегался хозяйкой дома, однако не использовался. Иногда кто-то из пожилых родственников перебирал бумаги и за ужином рассказывал какую-нибудь интересную историю. Писатель Зигфрид фон Фегезак (Siegfried v. Vegesack) обнаружил здесь письма фельдмаршала князя Барклая де Толли, которые впоследствии опубликовал. Вопреки своим утверждениям в романе «Предки и потомки» («Vorfahren und Nachkommen»), в котором рассказывается о семье Кампенхаузенов, писатель мало исследовал семейный архив и включал в роман известные и опубликованные истории о собственной и других семьях. Он все еще называет этот архив «Орелленским ящиком». Это — милый, выразительный, но совершенно не соответствующий действительности термин.

Уже в 1905 г. Херманн фон Кампенхаузен (Вольмар, 1871—Рига, 1919), внук Эрнста фон Кампенхаузена-Ореллена) систематически исследовал архив и написал по его материалам первую часть истории жизни генерал-лейтенанта Бальтазара фон Кампенхаузена, а также историю Пирса фон Кампенхаузена. Прогрессирующая душевная болезнь не позволила ему продолжить свой труд.

По-настоящему заслуженным человеком был племянник Эрнста фон Кампенхаузена-Ореллена Эрнст фон Кампенхаузен-Люддигер (Вессельсхоф, 1845—Рига, 1922). Он был юристом. После апоплексического удара стал инвалидом, сохранив, однако, ясный ум. Из «Орелленского ящика» он сделал настоящий архив, упорядочив множество вновь найденных документов. Эрнст сформировал из них отдельные дела или поместил в конверты, надписал и присвоил им порядковые номера в соответствии с приблизительным генеалогическим древом семьи. Такого замечательного порядка не было в Верде, где радовались уже тому, что дела, хотя и находясь в совершенном беспорядке, физически сохранились. Опись архивных документов здесь отсутствовала.

В ответ на мою просьбу теперешний владелец архива Бальтазар Херманн барон фон Кампенхаузен (родился в 1930 г.), старший сын погибшего в 1941 г. доктора юриспруденции Бальтазара Эрнста, позволил перевезти все в 1964 г. в Хайдельберг, в квартиру тети Адлине фон Кампенхаузен (Мюнхен, 1897—Хайдельберг, 1989), где мне удалось систематизировать документы по их прежним номерам и составить новый перечень. В связи с тем, что некоторые документы остались в Риге, и иными утратами этот перечень был неполным. Кроме того, в архив в течение десятков лет с даты последнего упорядочения добросовестно, но бессистемно добавлялись целые пачки писем и других унаследованных документов. Почти всегда отсутствовали сведения о том, кто и откуда получил эти бумаги и когда включил их в архивный фонд

семьи. С помощью тети Адлине началась довольно детективная работа, чтобы хотя бы частично идентифицировать авторов писем и систематизировать архивные документы.

Выбранная прежде система порядковых номеров была простой лишь для того, кто производил первичную обработку. Однако появлялись документы, которые должны были находиться в Ореллене в 1900-е гг. и которые не попались на глаза Эрнсту в процессе работы по упорядочению архива. К ним прибавились материалы о дополнительных пожертвованиях на благотворительные цели. Возник вопрос, как приобрести все эти документы к фонду. Принцип упорядочения по месту и времени составления, который сегодня рассматривается архивами как действующий, не был взят за основу при создании нашего архива. Эрнст фон Кампенхаузен-Лоддигер отдавал предпочтение принципу принадлежности, согласно которому документы, по возможности, распределялись в зависимости от принадлежности тому или иному человеку. Я тоже использовал эту систему и в перечне соблюдал четкое генеалогическое деление, но и при этом частичного разнобоя номеров и групп номеров избежать не удалось. Принцип упорядочения по месту и времени составления, если его можно было применить или учесть впоследствии, был отражен в отдельных описях.

Большую часть составляли документы, которые не могут быть отнесены к конкретному человеку, однако, несмотря на это, были оставлены в фонде как достойные архивного хранения. К ним относятся выписки из сборников, генеалогические таблицы, фотоальбомы и т.п. Правда, в настоящее время реестр фамилий содержит источники, лишь включая поступления 1986 г.

Владелец Бальтазар Херманн барон ф. Кампенхаузен (1930 г.р.) решил в 1978 г. передать весь архив на хранение в Институт Хердера в Марбурге. Это обеспечит лучшую научную обработку и использование фондов, однако я оставил за собой право, по возможности, самостоятельной нумерации дальнейших поступлений для описи архивных документов, так как я хорошо разбираюсь в предмете и наилучшим образом могу придерживаться своего принципа упорядочения.

В результате моей интенсивной работы по сбору документов с 1986 г. начались обширные поступления в архив. Во времена Эрнста Кампенхаузен-Лоддигера переписка поколения родителей, т.е. второй половины XIX в., не систематизировалась, так как она, возможно, не рассматривалась как достойная хранения в архиве и воспринималась как имеющая слишком частный характер. В результате систематического сбора писем представлены целые поколения дома в Ореллене, однако о других ветвях фамилии часто имелись лишь случайные находки и фрагменты, которые удалось существенно дополнить за счет поступлений последних лет.

Во второй половине XX в. теолог и историк церкви в Хайдельберге проф. Ханс барон фон Кампенхаузен (Розенбек, 1903—Хайдельберг, 1989) был самым видным представителем фамилии. Большая часть его весьма обширного наследия с недавнего времени находится у меня для включения ее в архив. Однако это потребует значительных усилий,

на которые я пока не способен. У его сына, проф. Акселя, хранится много писем, причем он уже передал большую их часть в Марбург.

До основания первой Латвийской республики практически все письма касаются части Российской империи, а именно Лифляндии. Однако если продолжить систематизацию, что особенно касается истории и выдающихся личностей России, то придется вести поиск в различных местах указателя. Документы, относящиеся к генерал-лейтенанту Бальтазару фон Кампенхаузену, имеют архивные № 9—90. В документах под № 10 содержатся сведения о его капитуляции перед фельдмаршалом графом Шереметевым в 1711 г., в документах под № 12 а — сведения о роли гренадерского полка Кампенхаузена с 1712 до 1720 г., в документах под № 11 — сведения о его миссии при Берлинском и Дрезденском дворах в 1721 г. в связи с заключением Ништатского мира. В деле № 36 содержатся деловые календари генерала с 1723 до 1757 г., которые лежат в основе опубликованной биографии, написанной Херманном фон Кампенхаузеном. Неопубликованные продолжения этого манускрипта содержатся в фонде под № 780.

Данные о покупке Ореллена в 1727 г. можно найти под № 56. Представляющие исторический интерес хозяйственные документы о строительстве дома, счета ремесленников и т. п. имеют № 33. Данные о направлении Бальтазара как ландрата к императрице Елизавете в 1742 г. содержатся под № 7, данные о его деятельности в качестве генерал-губернатора/судьи в Финляндии в 1743 г. хранятся под № 48.

В 1743 г. он получил во владение Ранден, Вальгута и Ной Теннасилым, о чем имеется дарственная императрицы Елизаветы (№ 21). В следующем году ему был подарен Лентценхофф, однако об этом имеются лишь копии документов (№ 18). О награждении орденом Александра Невского в 1744 г. свидетельствует документ № 10; о переписке с генералом Румянцевым 1744 г. по поводу имущества Буртнэкка — № 67.

Документ о покупке Роденпуа в 1752 г. касается правительственного советника Кристофа и подписан Головкиным, Барятинским и прочими (№ 124). Имеются документы о сенаторе, в бытность его вице-губернатором Эзеля, о лесоустройстве на острове Эзель 1779 г. (№ 215, 216), которое имело большое значение для управления всем лесным хозяйством России. В 1790 г. он назначается губернатором Финляндии (№ 188). Сообщения о немилостивой отставке встречаются в черновиках Бальтазара (№ 232, 233), а документ о его назначении в Правительствующий Сенат в 1797 г. хранится под № 190. Также есть сведения о последних годах его жизни: о том, что он с утра до вечера заседал в Правительствующем Сенате и Законодательном Собрании, поэтому по утрам диктовал одной из своих дочерей при одевании одни письма, а другие — второй дочери вечером при раздевании. Эти черновики за один день переписывались начисто и отправлялись по назначению. Они упорядочены частично по именам получателей, частично — по периодам и весьма содержательны. Так, сенатор Бальтазар руководил Банком Императорского воспитательного дома и должен был депонировать нерегулярно поступающие дополнительные пожертвования таким образом, чтобы этот дом получал регулярный доход с процентов. Он

подробно докладывает об этом императрице Марии Федоровне (черновик, № 240). Подлинники писем, предположительно, хранятся в одном из российских архивов, однако до сих пор не найдены. Напротив, письма императрицы весьма личного характера (например, с обращением «Мой старый, добрый Кампенхаузен...») хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге в фонде с документами Кампенхаузена, что стало для нас полной неожиданностью.

После смерти сенатора Бальтазара его носивший такое же имя сын, впоследствии государственный контролер, якобы взял эти письма себе и сброшюровал их в небольшую книжку. Затем его официальные документы были конфискованы правительством. Часть их была обнаружена в Санкт-Петербурге и Москве.

В своем завещании государственный контролер Бальтазар фон Кампенхаузен указал, что его научные манускрипты должны быть отправлены его брату Херманну, поэтому они присутствуют в семейном архиве (№ 281). Среди них находится черновик заметок о его поездке в Крым (№ 283). Его письмо маркизу Паулуччи 1823 г. находится в документах под № 299. Бальтазар фон Кампенхаузен умер в результате несчастного случая во время поездки в карете. В это время он уже высоко поднялся по служебной лестнице и стал заместителем министра внутренних дел В. П. Кочубея. Если бы потребовалось написать биографию Бальтазара, то в семейном архиве имеются личные письма, которые он десятилетиями (с 1784 по 1821 г.) писал своему брату Херманну (№ 290) и зятю Готтхарду фон Будбергу (с 1801 по 1823 г., № 294). Документы, касающиеся его смерти в результате несчастного случая, имеют № 303.

Его зять Будберг, губернатор Эстонии, упоминается в письмах брату Херманну (№ 399). О его сестре Марте Софии (Ореллен, 1776—Доберан, 1835), состоявшей в браке с государственным министром Мекленбурга бароном Леопольдом фон Плессеном, имеется серия подробных, написанных по-французски писем (см. вклейку, ил. 3). Она писала их своему отцу в 1799 и 1800 гг., когда, будучи фрейлиной, совершила поездку с великой княгиней Еленой Павловной из Санкт-Петербурга в Мекленбург (№ 378). Также имеются написанные по-немецки ответы отца (№ 216), которые дополняют этот богатый деталями обзор придворной жизни (№ 236).

Братом государственного контролера Бальтазара и Софии фон Плессен был барон Христоф фон Кампенхаузен, от которого происходят все ныне живущие потомки, носители фамилии. Он не выступает на передний план, а из его сыновей лишь Леопольду удалось стать секретарем дипломатической миссии в Копенгагене (№ 621). Дочь Христофа Леокадия (см. вклейку, ил. 4) вышла замуж за Макса, сына фельдмаршала графа Барклая де Толли (см. вклейку, ил. 5), письма которого к жене (с 1810 по 1817 г., № 461), а также документы о его наследстве (№ 556) сохранились в архиве Кампенхаузена.

В период, когда прибалтийские подданные императора, несмотря на всю лояльность, в связи с возрастающей русификацией все реже назначались на государственные посты, архивные документы приобретают

более частный характер. В нашем архиве в связи с родством с семьей фон Смиттен находятся письма генерала фон Дибич-Забалканского (№ 667).

К Российской империи также относятся письма барона доктора Бальтазара Армина фон Кампенхаузена (1870—убит в Вендене в 1919 г.), написанные в связи с революционными событиями 1905 г. из тихого уголка Лифляндии (№ 712; 720, 721). Сведения об его ссылке в Сибирь с 1915 по 1917 г. содержатся в документах под № 715—719. Сведения об его убийстве в тюрьме Вендена — в документах под № 720, 724, 726 и 727.

Как и его отец, он учился в Германии, где получили образование и его братья, в частности, Освальд (Ореллен, 1878—Хайдельберг, 1960), который был адвокатом в Хайдельберге, а в 1915 г. работал переводчиком в русском лагере в Раштатте (№ 789). Известным переводчиком русской литературы был барон Рудольф фон Кампенхаузен, который перевел на немецкий язык произведения генерала П. Н. Краснова.

На этом заканчиваются связи с Российской империей, которые начались для семьи столь блистательно после Северной войны.

Приложение I

Прилагаю свой (несколько субъективный) архивный перечень, который был мною составлен в ходе просмотра материалов рукописного фонда ИРЛИ 8 ноября 2007 г. при любезной поддержке со стороны господина Александра Дубровского из Пушкинского Дома и госпожи Елены Тархановой из центра «Helenika», входящего в состав Швейцарского Центра в Петербурге (Swiss Center Inc., St.Petersburg), которым я признателен за помощь.

Документы, касающиеся фамилии фон Кампенхаузен, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, ф. 517. Они относятся к отцу, сенатору Бальтазару Ивановичу (1745—1800), и к сыну, государственному контролеру Бальтазару Бальтазаровичу (1772—1823).

№	Даты	Заголовки или субъективное описание содержания
1	1790—1792	Дипломы (7) Геттингенского, Виттембергского университетов, Лейпцигской академии. На нем., лат., фр. яз.
2	1792	Свидетельства (7) Геттингенского университета о прослушанных курсах. На нем. яз.
3	1803—1821	Документы о награждении Б. Б. Кампенхаузена орденом Александра Невского, орденами Анны и Владимира I и II степеней
4	1814	Жеребцов Алексей <Алексеевич>. Препроводительное письмо на имя Б. Б. Кампенхаузена к медали в память войны 1812 г. за помощь и патриотические убеждения во время войны
5	1818, 1821	Александр I, имп. Рескрипты (2) о пожаловании Б. Б. Кампенхаузена орденами Александра Невского и Владимира I степени. Подпись-автограф
6	1820, сент. 3	Свидетельство Государственного казначейства об удержании денег за повышение в чине с приложением отчета
7	1823, авг. 29	Александр I, имп. Указ о временном назначении упр. Министерством внутренних дел В. С. Ланского в связи с болезнью Б. Б. Кампенхаузена. Копия
8	1823, авг. 15	Кампенхаузен Б. Б. Письмо Александру I, имп., в отношении архитектора Шарлеманя <Л. И.> в связи с сохранением фасада главной оранжереи ботанического сада. На фр. яз.
9	1823—1824	Извещение о смерти Б. Б. Кампенхаузена, некролог, речи на траурной церемонии, письма с соболезнованиями. На рус. и нем. яз.
10	1799	Генеалогическое древо (свидетельствует о происхождении отца — коменданта Йоханна фон Кампенхаузена). На нем. яз.
Корреспонденция, расположенная в алфавитном порядке отправителей		
11	1823, авг. 22	Письмо Акермана Франца. На нем. яз.
12	1823, июля 29	Письмо Бларамберга Ивана Павловича. На фр. яз.
13	1822	Письмо де Брая. На фр. яз.
14	1808—1823	Сброшюрованные письма (44) Будберга Карла Вольдемара, бар. На фр. и нем. яз. Загадка: по-видимому, Будберг был включен сюда как российский подданный при сохранении документов, а документы о брате и зяте фон Плессене, напротив, рассматривались как частные и поэтому реквизируются не были

Корреспонденция, расположенная в алфавитном порядке отправителей		
15	1823	Письмо Будберга Отто, бар. На нем. яз.
16	1808—1818	Сброшюрованные письма (25) Булгакова Ивана <И.> по поводу таможни в Таганроге и Крыму
17	1811, марта 28	Деловое письмо Байса. На фр. яз.
18	1810, окт. 10	Письмо герцога Вюртембергского Александра-Фридриха, брата императрицы Марии Федоровны. Подпись-автограф. На фр. яз.
19	1823, авг. 7	Письмо Воронцова Михаила Семеновича, светл. кн. Подпись-автограф. На фр. яз.
20	1811, июль 10—26	Письма (3) Гардера Давида Иоганна. На нем. яз.
21	1822, нояб. 2	Письмо Гедера. На нем. яз.
22	1792, окт. 10	Письмо Герцберга из Берлина.
23	1815, май—июнь	Письма (2) Головкина Юрия Александровича, гр. На фр. яз.
24	Б. д.	Сброшюрованные письма (9) Гурьева Дмитрия Александровича, гр. На фр. и рус. яз.
25	1800	Сброшюрованные письма (13) Демидова Павла Григорьевича. На нем. и фр. яз.
26	1823, авг. 19	Письмо Канкрин Егора Францевича, гр., министра финансов России. На нем. яз.
27	1823, авг. 25	Письмо Келера Егора Егоровича. На нем. яз.
28	1808—1820	Сброшюрованные письма (23) Коваленского Петра Ивановича
29	1805—1808	Письма (33) Кочубея Виктора Павловича, гр., министра внутренних дел Российской империи, заместителем которого стал Б. Б. Кампенхаузен. На фр. и рус. яз.
30	1808—1809	Письма (5) Куракина Алексея Борисовича, кн. На фр. и рус. яз.
31	1823, февр.—апр.	Письма (4) Ленца И. На нем. яз.
32	1805, авг. 9—1815, июль 27	Письма (3) Лопухина Петра Васильевича, кн.
33	1798—1800	Сброшюрованные в небольшую книжку письма (50) императрицы Марии Федоровны. Иногда они были написаны императрицей на красивой почтовой бумаге. Письма частично не датированы, написаны в период с 1798 по 1800 г. и, очевидно, адресованы не государственному контролеру, а его отцу сенатору (смешение двух поколений Бальтазара Бальтазаровича). На нем. яз.
34	1823, мая 23	Письмо Медема <Николая Васильевича>, бар. На нем. яз.
35	1811—1812	Письма (3). Мекленбург-Шверинского Фридриха-Людвига, герцога. На фр. яз.
36	1815, мая 22	Письмо Пандера Иоганна. На нем. яз.
37	1800—1801	Письма (14) Полетики Михаила Ивановича
38	1807, мая 30—1810, февр. 7	Письма (4) Потоцкого Северина Осиповича, гр. На фр. яз.
39	1805—1810	Сброшюрованные письма (25) Ришелье Эммануила Осиповича, герцога. На фр. яз.

Корреспонденция, расположенная в алфавитном порядке отправителей		
40	1803—1814	Письма (20) Румянцева Николая Петровича, гр. На фр. и нем. яз.
41	Б. д.	Сброшюрованные письма (15) Сперанского Михаила Михайловича. На фр. яз.
42	1801—1805	Письма (18) Строганова Павла Александровича, гр. На фр. яз.
43	1807—1810	Сброшюрованные письма (29) Траверсе Ивана Ивановича, маркиза. На фр. яз.
44	1792, нояб. 1	Письмо Циммерманна. На нем. яз.
45	1808—1809	Письма (4) Чичагова Павла Васильевича, адмирала. На фр. яз.
46	1792, окт. 9	Письмо Шлёцера Августа Людвига, русского и немецкого историка, хранится в собрании иностранных автографов (ОХ)
47	1811 и б. д.	Неуст. лица. Письма (4). На фр. и нем. яз.
48	1798, авг. 15	Адрес одесских граждан <Катенину> Александру Федоровичу, коменданту Одессы, с 43 подписями
49	Б. д.	Памятная записка Ангелла относительно посева и переработки конопли. На нем. яз.
50	1802, нояб. 29—1811, авг. 8	Александр I, имп. Именные указы (2) и письмо Кампенхаузену Б. Б. На рус. и фр. яз. Подпись-автограф
51	1816, июня 14—1821, нояб. 18	Сброшюрованные письма (24) Аракчеева Алексея Андреевича, гр. Копии
52	1802, дек. 4	Письмо Васильева Алексея Ивановича, гр. Подпись-автограф
53	1824, мая 13—окт. 16	Письма (3) Канкрин Егора Францевича, гр. Подпись-автограф
54	1797, февр. 26	Павел I, имп. Именной указ Кампенхаузену Б. Б. (сенатору) Подпись-автограф. (Император проследовал через город Ригу и поблагодарил губернатора за хорошее содержание города)
55	1793, окт. 31	Письмо Репнина Николая Васильевича, кн.
56	1822, нояб. 8	Письмо Шумского <Михаила Андреевича>
57	1801, февр. 15—марта 15	1. Павел I. Именной указ Кутузову М. И., кн., о запрещении выезда за границу русским подданным 2. Александр I. Именной указ Кутузову М. И., кн., об отмене вышеупомянутого указа. Копии

Приложение II

Архив барона фон Кампенхаузена — депозит института Гердера в Марбурге (Herder-Institut, Marburg)

Campenhausen-Archiv Nr. 240

Из черновиков сенатора Бальтазара Кампенхаузена, в том числе:

Черновики писем к императрице Марии Федоровне, в основном о Банке Воспитательного дома в Санкт-Петербурге (в транскрипции Б. фон Барсевиша и Михаэля Бруше, март 2006)

Банк получал дотации от Императорского Дома в течение неравных промежутков времени, однако постоянно производил фиксированные расходы. Поэтому размещение этих денег, дальнейшие вклады и выдача капитала были затруднительными. Черновики свидетельствуют о том, что Кампенхаузен руководил этими операциями, отнимавшими у него много времени.

Хронологическая последовательность черновиков писем следующая:

Ноябрь 1799: 27; 30.

Декабрь 1799: 1; 5; 6; 8; 17; 21 (2); 23 (3); 25; 30

Январь 1800: 4; 11; 12; 16; 17; 19; 28

Февраль 1800: 9; 13; 14; 22

Март 1800: 21 (2)

Апрель 1800: 1; 7; 12; 17; 18; 24

Май 1800: 11; 12; 13 (автограф); 23; 31

Июнь 1800: 3; 11; 12; 14; 16; 19 (автограф)

Июль 1800: 9 (автограф).

Некоторые выписки и копии:

Кампенхаузен сообщает, что он 17.11.1799 вновь приступил к исполнению служебных обязанностей.

Санкт-Петербург, 11.5.1799

Нижайше прошу прощения у Вашего Императорского Величества за то, что так поздно представил экстракт нашего журнала. Однако в эти дни я так сильно был подвержен своим старым недугам, что каждый час ожидал своей кончины и был не в состоянии взять в руки перо.

«Старые недуги» — это апоплексические удары, как следует из изложенного ниже.

Санкт-Петербург, 12.5.1799

Следуя милостивейшему указанию Вашего Императорского Величества, переданному мне графом Сиверсом, настоящим верноподданнически прилагаю список просителей, требующих от нас денег.

Первая часть в размере 60 200 рублей мною выслана полностью, и просители получают свои деньги, как только представят написанную Pataté закладную.

Для второй части в размере 26 000 рублей они, по-видимому, уже на будущей неделе представят отсутствующую справку, так как все остальное они уже сделали.

О 3-й части в размере 82 980 рублей сейчас ничего с уверенностью сказать нельзя. Среди них часто встречаются и такие лица, которым, в конечном счете, должно быть полностью отказано, так как они вовсе не могут собрать некоторых необходимых документов. Между тем следует ожидать документы от большей половины просителей из этого списка, и они продвинулись по списку настолько, что мы сможем выслать деньги.

На четвертую часть просителей в размере 48 650 рублей рассчитывать совершенно не приходится. Весьма редко лишь некоторые из них в состоянии оправдать свои сомнительные документы.

Согласно этим расчетам, можно было бы рассчитывать максимум на 140 000 рублей, которые у нас получат сегодняшние заемщики, и мы оставим у себя более 100 000 рублей от сальдо, находящегося сейчас в кассах. Но с учетом ходатайств братьев Нарышкиных: старшего — о 50 000 рублей, младшего — о 25 000 рублей, и согласно разрешению Вашего Императорского Величества удовлетворить их просьбу до поступления судебных исков, и, к тому же, заклада их домов, а также в связи с тем, что, как я слышал, в Москве фельдмаршал Салтыков, помимо уже полученных в прошлом году выплат, хочет получить значительную сумму, то, возможно, нам удастся разместить большую часть наших денежных запасов.

Сегодня утром, оставаясь на больничном ложе, я все же отправил все готовые бумаги, так что не осталось ни одного ходатайствующего о деньгах, представившего все документы.

Санкт-Петербург, 13.5.1799

Нижайше прошу Ваше Императорское Величество о разрешении вновь верноподданнически напомнить об облигациях Бенкенд<орфа>.

Н. Violier принес мне за день до моей болезни 680 рублей, чтобы разместить их в кассе депонирования на благо детей моей сердечной подруги. Я сделал ему предложение объединить эту сумму с уже имеющимися там деньгами и с начисленной до сегодняшнего дня ренты. Если затем из этих 680 рублей изъять несколько сумм по сорок рублей, то по предварительным подсчетам каждый из 4-х детей получил бы капитал 4800 рублей, или, если ничего не изымать и захотеть получить круглую сумму, то следовало бы доплатить еще примерно 150 рублей, чтобы на каждого ребенка получилось 4850 рублей, и таким образом, все эти многочисленные документы можно было бы заменить 4 бумагами. Господин Violier обещал сделать секьюритизацию всего этого. Так как моя болезнь теперь беспокоит меня гораздо сильнее, чем прежде, то во мне возрастает радостная надежда на блаженство в лучшей жизни и вместе с нею желание оставить в порядке все находящиеся у меня на руках чужие бумаги. Об этих полученных 680 рублях, которые еще лежат у меня наличными, я выдал лишь маленькую расписку вместо квитанции.

Если Ваше Императорское Величество даст указание доставить мне Ваши всемилостивые указания о том, что следовало бы объединить эти деньги с начисленной до сегодняшнего дня рентой и в этом случае оставить несколько сумм по 40 рублей для формирования круглой суммы или доплатить 150 рублей, то я завтра сразу же сделаю необходимый расчет и дам указание об изготовлении 4 новых облигаций для их дальнейшего верноподданнического представления.

С глубочайшим почтением остаюсь и прочее.

Санкт-Петербург, 12.6.1800

Следуя всемилостивейшему указанию Вашего Императорского Величества, верноподданнически докладываю о данном взаймы государству с соизволения Московского дома капитале следующе:

В прошлом году мы выплатили Государственному казначейству причитающиеся Московскому дому 200 000 рублей за его счет и, к тому же, оформили облигацию на эту сумму вместе с рентами в размере 12 000 рублей наличными. В этом году мы из полученных 100 000 рублей серебром выслали половину — 50 000 рублей — наличными через Шрёдера в Москву, и с учетом причитающихся этому дому 150 000 рублей капитала и 12 000 рублей указанных выше рент, итого 162 000 рублей, мы выплатили полную сумму в размере 200 000 рублей за сч<ет> Московского дома и, таким образом, дали Московскому дому на 38 000 рублей больше, чем было получено здесь за его счет. Облигацию Государственного казначейства на московские 200 000 рублей сего года Шрёдер также выслал туда в оригинале. За эти переданные нами в Государственное казначейство облигации Государственное казначейство самостоятельно внесет в Москве как свою 5-ю часть, так и ежегодные ренты. Мы получаем свою часть лишь за свои собственные капиталы, однако, в общем и целом, мы почти при каждой возможности платим за счет Московского дома больше, чем переводим туда, что мы можем делать весьма охотно, так как Господь столь щедро благословляет наш кредит под благосклонным покровительством Вашего Императорского Величества.

Канцелярский чиновник из моей экспедиции в Консейле, коллежский регистратор Крипен, продал в Нарве доставшийся ему по наследству домик и просит отпустить его в Нарву на 3 недели, чтобы заняться этим делом, касающимся всего принадлежащего ему имущества. Но так как я в прошлое воскресенье позабыл обратиться по этому делу к Вашему Императорскому Величеству для получения всемилостивейшего устного согласия и так как это дело является столь незначительным, чтобы сделать формальный доклад по этому поводу из Консейла, то осмелюсь верноподданнически доложить Вашему Императорскому Величеству об этом срочном деле бедного человека, все счастье которого зависит от этого отпуска, о котором он просит, и остаюсь в глубочайшем почтении и прочее.

Санкт-Петербург, 16.6.1800

Следуя высочайшему указанию Вашего Императорского Величества, я обследовал вместе со своим сыном здание Екатерининского приюта и объединил это дело с потребностями Коммерческого Института, и так как мой сын при этом вник во все подробности, верноподданнически прошу о разрешении представить составленное им здесь заключение Вашему Императорскому Величеству.

Так как в случае возможной реконструкции этого здания в будущем потребуется определить квартиры после его разделения, однако из представленных планов ни одного не было изготовлено после расширения приюта, то мой сын в ходе обследования дома сделал эскиз для представления и расчета этого разделения, который осмелюсь приложить к сему изготовленным лишь от руки за недостатком времени.

Со своей стороны считаю, что Коммерческий Институт при переносе его в здание Екатерининского приюта будет находиться в некоторой тесноте, однако, в целом, он, скорее, выиграет, чем потеряет, и я поздравляю себя с тем, что, исполняя это высочайшее поручение, получил возможность ближе познакомиться с достойным восхищения порядком, превосходным оснащением и столь удачно продуманным воспитанием. Подрастающее здесь поколение долго еще будет с благодарностью благословлять память богоугодной основательницы.

Сенатор Саблуков завтра верноподданнически изложит Вашему Величеству мое представление о замещении <ва>кансии, возникшей в результате повышения по службе нашего прежнего бухгалтера. Сделанные мною предложения о назначении следующего чиновника на пост своего предшественника согласно методу, за которым я наблюдал ранее, при котором вновь назначенные лица первоначально никогда не получали полного жалования, пока не обретали все большей квалификации своим послушанием, прилежанием и хорошим поведением, не только совершенно соразмерны с замечаниями о том, что следует, по возможности, добиваться ежедневной экономии предназначенной для бюджета суммы, милостивейше высказанными Вашим Императорским Величеством графу Сиверсу и мне в прошлом году при первом утверждении бюджета, но они являются также, в чем я смог убедиться на основании многолетнего опыта в этом вопросе, наиболее надежным способом уделять всем служащим постоянное внимание. Если каждому сразу после первого назначения давать полную сумму из бюджета, то, разумеется, никакой экономии не возникнет, и все вознаграждения пришлось бы выплачивать за счет суммы gratification, которой бы было далеко не достаточно, и пришлось бы вопреки собственному убеждению и совести платить одинаковое жалование 2 лицам, служащим на одинаковых постах, но не имеющих одинаковых способностей и, зачастую, одинаковой доброй воли. Поэтому исключительно мудрым указанием Вашего Императорского Величества было то, что Вы предоставили это относительное распределение на усмотрение и совесть каждого начальника. Между тем верноподданнически не могу утаить, что, возможно, вижу противоречие в том, что при этом моем экономическом учреждении, на которое я потратил

в виде вознаграждений из собственных сбережений более 700 рублей, я оставил в некоторых других экспедициях с меньшими сбережениями более 1800 рублей наличными. Однако я действовал согласно своей совести и полагаю, что это справедливо перед Богом.

Последний черновик тяжело больной сенатор писал собственноручно, с множеством зачеркиваний и поправок:

Остров Мон, 9.7.1800

Припадаю к ногам Вашего Императорского Величества с верноподданническим докладом о том, что позавчера, наконец, прибыл к месту своей службы в этом году, после того, как меня в пути постиг прежний недуг, сопровождавшийся приступом губительной геморроидальной колики, я пролежал несколько дней в Ревале безо всякой надежды. Между тем, едва оправившись, я продолжил свой путь до назначенного места, должен был провести 3 дня в Зундте из-за непогоды, прежде чем смог пересечь Балтийское море, и, по прибытии сюда, получил апоплексический удар, который парализовал мой язык настолько, что я не могу говорить. Терпеливо и в радостном и бодром расположении духа ожидаю, как Господь распорядится мною, и остаюсь по эту и ту сторону могилы в глубочайшей покорности и прочее (см. вклейку, ил. б).

Несмотря на пошатнувшееся здоровье и несколько апоплексических ударов, барон фон Кампенхаузен отправляется с инспекционной поездкой на остров Мон. Последние строки он пишет, потеряв речь после дальнейших апоплексических ударов. Непонятное сегодня слово «геморроидальная (кровооточающая) колика» также означает апоплексический удар.

Примечательно, что до последнего вздоха он демонстрировал свое редкое усердие, преданность императорскому дому и непоколебимую веру, с которой он встречает смерть.

Письма императрицы Марии Федоровны барону Бальтазару фон Кампенхаузену (РО ИРЛИ, ф. 517, № 33, л. 2, 26 об., 33, 40 об., 45)

(Blatt 2) (Brief mit Trauerrand)

Paw<low>sk den 3 May 1798

Ich habe mit der grösten Zufriedenheit ihren brieff wie auch die beyliegende Balance gelesen, und bin immer mehr und mehr überzeuget das die interessen des Hauses nicht in beßeren Händen sein könnten, als in den ihrigen, mein guter Herr von Campenhausen. Unser Credit freuet mich sehr, wier haben ihn den Wohlthaten unseren lieben Kaisers zu dancken. Gott wirdt ihm sie in Seegen Glück und Gesundheit wieder geben. Ihr Eifer sie alter braver Mann verdienet ihnen meine janze Erckentlichkeit, mit welcher ich bin

Ihre wohl affectionirte

Maria F.

(Blatt 26)

Paw<low>sk den 23 Junie 1799

Durch vergeßenheit ist der brief vom 9 Junie den ich ihnen geschriben hatte mein alter guter Campenhausen auf mein Tisch geblieben ich schreibe ihnen also zum zweiten mal um ihnen zu sagen das ich die obligation für die Benkendorfsche Kinder empfangen habe: ich glaube mein Freundt sie haben sich aber Unrecht gethan: dieses wirdt sich aus weisen wenn sie werden zurück kommen und ich ihnen die obligation weisen werde: ich weis mein Freundt das sie sehr viel zu thun gehabt haben, also werde ich mit Geduld erwarten das sie die gewöhnliche rechnung in deutscher Sprache vom vorigen Monath mir geben werden: dieser Monath ist nicht sehr vortheilhaft für uns es komt wenig Geld bey uns ein, das sindt die magre Monathe: es freuet mir zu sehen das Roguviskof unsere Wahl so hoch schätzet.

Wegen der Auswahl für den Secretair meiner Tochter bleibe ich auf das was ich ihnen gesagt haben: er muß ein Unterthan seyn, und sie müßen für sein Ehrlichkeit sicher sein: das Alter ist einerley aber es ist zu wünschen daß er ein gesetztes Alter habe, und nicht jung wäre: ob er verheirathet ist ist einerley: Unser alter guter Sievers ist gestern hier angekommen, er ist wohl: in der Othofschon Fabrique seindt wier schon biß die num (mer?) 46: gekommen: dieser Faden ist schön: Adieu sie guter Alter leben sie wohl und gesund

Maria

(Blatt 33)

Peterhof den 28 Julie 1799

Mein alter braver Campenhausen: Ich habe ihren letzten Brief erhalten und freue mir sehr ihnen im Stande zu wißen zu reisen, aber nehmen sie sich in acht und schonen sie sich so viel wie es ihre Pflicht ihnen erlaubt: nach einen solchen Fall muß man sehr in acht nehmen, um keine Folgen nachzubehalten: Ich habe ihren brief an unsern lieben Kaiser vorgelesen wo sie von ihre beiden Männern sprechen die sie als Secretairs ausgesuchet haben. da wier neigung haben unsere ältesten Tochter auch einen mitzugeben, so sindt sie alle beyde engagiert, Bruining bey der G.F Alexandra und Uxquil bey der G. F Elena: dieses trägt mit (r) unser lieber Kaißer auf ihnen zu sagen: der erste wierdt 160 Louisdor bekommen

jährlich und der zweyte 100 so wie sie es vorgeschlagen haben arrangiren sie sich mit ihnen beyden mein guter Campenhausen das sie zur nehmlichen zeit mit ihnen in Petersbourg eintreffen auf das wier ihre bekantschaft machen können, diese Reißē wirdt ihnen wieder ersetzt werden. Hernacher können sie nochmals bey sich zurückkehren um ihre übrige arrangements zu machen; dan wirdt die zeit fest gesetzt werden wen sie schon jänzlich hierher kommen sollen: die Reißē nach den Auslande für ihre Familie wirdt ihnen bezahlt werden, die beyde Secretairs selbstē werden aber in der Suite der beyden Großfürstinnen folgen:

Wegen unsere Wolle bleibt alles liegen biß das sie zurückkommen mein guter Campenhausen, als dan wirdt diese Sache wieder auf den Tapet kommen, ich habe schon den General Crauraw darüber prevenirt. für diesen Winter schaffen sie uns so viel Wolle wie es ihnen möglich sein wirdt; wier werden sie schön verarbeiten: Adieu Sie guter braver alter, leben sie wohl: ich bin stets

Ihre wohl affectionirte

Maria

(Blatt 40)

den 29 ten Nov 1799

Heute finde ich mir endlich wieder im stande meine Geschäften so vorzustehen wie ich es wünsche, biß diesen Tag war meine Seele zu sehr die Abreise meiner Tochter betrübt:

Ich werde diese Tage anfangen die Schriften über das Commerz institut zu lesen und ihnen offenhertzig meine Meynung zu sagen: als dan werde ich das Conceil erneuern und im Dec. wirdt hoffentlich die Reißē ihres Sohnes statt haben können; ich werde ihn bitten unsere dasige Lehrer sehr zu examiniren um zu zusehen welche uns hier dienlich seyn können:

Wier sindt immer gewohnt die pensions am anfang des Tiercals zu bezahlen also wollen meine Töchter diesen Gebrauch folgen, und erwarten (?) es mit diejenigen die sie angewiesen haben das es auch so gehalten seyn soll:

Um den Mangel unserer Caße abzuhelfen müßen sie schon 10000 R. für meinen Sohn Nicolai von den H von Nicolai empfangen haben: ich weis auch das der Baron Wanleew (?) ihnen morgen oder übermorgen 10000 rubel als interessen von der aussteuer meiner Töchter schicken wirdt, also hoffe ich das der erste Geldt mangel wirdt gehoben seyn:

Da ich ihnen immer wahr spreche mein alter guter Campenhausen so muß ich ihnen gestehen das ich glaube es nicht füglich seyn würde die Expediti (o)nen functions (?) zu trennen, es würde kränckend seyn für denjenigen dem ich sie auftragen würde; Sie muß so bleiben wie sie ist, also mein alter guter Campenhausen sehen sie selbstē welches ihre beste Meynung ist: Adieu leben sie wohl und pflegen sie ihre Gesundheit

Maria

(Blatt 45)

den 3 Dec. 1799

Ich habe ihnen nicht eher antworten wollen mein alter guter Campenhausen biß ich alle Papiere durchlesen würde; dieses habe ich gethan, also bitte ich ihren Sohn da ihre Gesundheit es ihnen nicht erlaubt hierher zu kommen, wenn unser alter Sivers hier seyn wirdt, welches ich auf den Nicolai

fest vermuthete dan werden wier alles in richtigkeit bringen, da ich meine beobachtungen schriftlich aufgesetzt habe;

Ich bedancke mir für den Aufsatz der Gelder meiner beyden ältesten Töchter:

den Savanschi habe ich ad interim ernant biß der Genesung des alten Sumbatow: Schreiben sie mir doch wie es mit ihm gehet u grüßen sie ihn von mir.

Ich dancke ihnen für den balancirten extract des November Monaths, der mir in vieler rücksicht vergnügen gemacht hat, aber mit herzeleid habe ich gesehen wie schlecht man uns bezahlt, ich bitte ihnen, sich darüber mit den alten Sievers zu besprechen, um zu sehen was möglich ist zu thuen; ich glaube man muß sie mahnen, und ihnen sagen das wen sie nicht beßer bezahlen, man gezwungen sein wirdt ihre Nahmen bekant zu machen u die liste am Ende des Jahres vorzustellen: Obgleich man uns schlecht bezahlt so wächst doch der Credite im Hause monathlich welches ich mit vergnügen und danck sehe Ich bin auch zufrieden mit unserer Economie: Gewiß ist uns das Haus von Moscou viel schuldig, aber da wier zwey Schwestern seindt so müßen wier uns helfen: Adieu sie alter leben sie wohl gott schencke ihnen gesundheit

Ihre wohl affectionirte

Maria

Перевод писем императрицы Марии Федоровны к барону Бальтазару фон Кампенхаузену

Лист 2

Пав<ловск> 3 мая 1798

С огромным удовлетворением прочитала Ваше письмо, а также прилагаемый баланс, и все более убеждаюсь в том, что интересы Дома¹ не могли бы находиться в лучших руках, чем в Ваших, мой добрый господин фон Кампенхаузен. Наш кредит меня весьма радует, мы получили его благодаря милости нашего дорогого императора.² Да благословит его Господь и да подарит ему счастье и здоровье. Ваше усердие, мой старший добрый друг, заслуживает моей полной признательности, с которой и остаюсь

в полном расположении к Вам

Мария Ф.

Лист 26

Пав<ловск> 23 июня 1799

По забывчивости письмо от 9 июня, которое я написала Вам, мой старший добрый Кампенхаузен, осталось на моем столике, итак, пишу

¹ *Дома* — Имеется в виду петербургский Воспитательный дом — одно из многочисленных учреждений, открытых по инициативе императрицы Марии Федоровны (был расположен на набережной р. Мойки, в доме гр. К. Ф. Разумовского, в нынешнем здании РГПУ им. А. И. Герцена).

² *...нашего дорогого императора.* — Имеется в виду Павел I (1754—1801).

Вам во второй раз, чтобы сказать, что получила обязательство (облигацию — obligation) для детей Бенкендорфа.³ Полагаю, мой друг, что Вы все же поступили неправильно. Это подтвердится, когда Вы возвратитесь, и я предъявлю Вам эту облигацию. Я знаю, друг мой, что Вы сделали очень много, и буду с нетерпением ждать Вашего обычного финансового отчета на немецком языке за прошлый месяц. Этот месяц не очень удачен для нас, к нам поступает мало денег, это скудные месяцы. Я рада видеть, что Роговиков⁴ так высоко ценит наш выбор.

Что касается поиска секретаря для моей дочери,⁵ то я подтверждаю то, о чем я Вам говорила. Он должен быть верным слугой, и Вы должны быть уверены в его честности. Возраст безразличен, однако, желательно, чтобы он был в солидном возрасте и не был молод. Женат ли он — безразлично. Наш старый добрый Сиверс⁶ прибыл вчера сюда; он в добром здравии. На Охтофской фабрике⁷ мы дошли до ном[ера?] 46. Это превосходная нить. Прощайте, мой добрый старый друг, будьте здоровы и благополучны.

Мария

Лист 33

Петергоф, 28 июля 1799

Мой старый добрый Кампенхзаузен. Получила Ваше последнее письмо и весьма рада, что Вы в состоянии путешествовать, но будьте осторожны и берегите себя, насколько Вам позволяет Ваш долг. После такого случая нужно быть очень осторожным, чтобы не было последствий. Я прочла нашему дорогому императору Ваше письмо, в котором Вы пишете о двух мужчинах, которых выбрали на должность секретарей. Поскольку мы намерены направить одного из них к нашей старшей дочери, то оба будут приняты на работу; Бруининг —

---

³ ...для детей Бенкендорфа. — Речь идет о генерале от инфантерии Христофоре Ивановиче Бенкендорфе (1749—1823), бывшем при императоре Павле I военным рижским губернатором; его жена, баронесса Анна-Юлианна Ши(е)ллинг фон Канштадт, была подругой детства Марии Федоровны. У Бенкендорфов было четверо детей: два сына и две дочери, в том числе Александр Христофорович Бенкендорф, ставший в 1826 г. главным начальником III Отделения собственной его императорского величества канцелярии.

⁴ Роговиков — Николай Семенович Роговиков, барон, придворный банкир, почетный член Совета Санкт-Петербургского коммерческого училища.

⁵ ...для моей дочери... — Имеется в виду одна из старших дочерей Марии Федоровны: Александра или Елена (см. ниже).

⁶ Сиверс — Вероятно, Яков Ефимович Сиверс (19.09.1731—11.07.1808), гр. После вошествия на престол Павла I Сиверс был назначен главным попечителем Воспитательного дома и главным директором водных коммуникаций.

⁷ На Охтофской фабрике... — Имеется в виду Охтинская суконная фабрика гр. Комаровского. Питомцы Воспитательного дома также обучались и работали на Александровской фабрике — первой хлопчатобумажной мануфактуре, построенной в 1789 г. в окрестностях Санкт-Петербурга (местечко Александровская). В 1799 г. на ней заработал первый механический станок.

к В. кн. Александре,⁸ а Укскуль — к В. кн. Елене.⁹ Вот что сообщает Вам наш дорогой император: первый секретарь будет получать 160 луидоров в год, а второй — 100, как Вы и предлагали; договоритесь с ними, мой дорогой Кампенхаузен, чтобы в определенное время приехать вместе с ними в Петербург, чтобы мы могли с ними познакомиться; эта поездка Вам будет оплачена. Затем Вы сможете снова вернуться к себе, чтобы завершить оставшиеся дела; после этого будет назначено время, когда Вы должны будете прибыть сюда уже окончательно. Поездка Вашей семьи за границу будет Вам оплачена, однако оба секретаря последуют в свите великих княжон.

Что касается нашей шерсти, то все остается без изменения до Вашего возвращения, мой добрый Кампенхаузен, затем этот вопрос будет снова поднят, я уже предупредила об этом генерала Крауро.¹⁰ На эту зиму достаньте нам столько шерсти, сколько сможете, мы отлично перерабатываем ее. Прощайте, мой добрый старина, всего наилучшего.

Остаюсь неизменно расположенной к Вам

Мария

Лист 40 об.

29 нояб. 1799

Сегодня я вновь в состоянии заняться своими делами так, как я этого желаю, а прежде мое сердце было слишком омрачено отъездом моей дочери.¹¹

На этих днях начну читать документы о Коммерческом институте¹² и откровенно выскажу Вам свое мнение. Затем обновлю Совет, а в дек., надеюсь, может состояться поездка Вашего сына; я прошу его тщательно проэкзаменовать наших тамошних учителей, чтобы посмотреть, кто из них сможет быть нам здесь полезен.

Мы привыкли платить пенсию в начале каждого триместра, так что мои дочери хотят следовать этому правилу и ожидают (?) от тех, кому они дали на этот счет указания, что так будет и впредь.

Чтобы восполнить недостаток денег в нашей кассе, Вы должны получить для моего сына Николая¹³ 10 000 р. от г-на фон Николаи.¹⁴ Я также

⁸ В. кн. Александре... — Великая княжна Александра Павловна (1783—1801), 19 окт. 1799 г. была выдана замуж за эрцгерцога австрийского Иосифа, палатина венгерского (см. подробнее: *Воловик О.* Александра. Жизнь. Семья. Судьба. Память. СПб., 2004).

⁹ В. кн. Елене... — Великая княжна Елена Павловна (1784—1803), 12 окт. 1799 г. вышла замуж за наследного герцога Мекленбург-Шверинского (см.: *Данилова А.* Пять принцесс. Дочери императора Павла I. М., 2002).

¹⁰ Крауро — личность не установлена

¹¹ ...омрачено отъездом моей дочери... — 21 нояб. 1799 г., через месяц после свадьбы, Александра Павловна покинула Россию.

¹² ...документы о Коммерческом институте... — См. об этом в сопроводительной статье А. В. Дубровского.

¹³ ...для моего сына Николая... — Имеется в виду Николай Павлович (1796—1855), будущий император Николай I.

¹⁴ ...г-на фон Николаи... — Имеется в виду Андрей Львович (Людвиг Генрих) фон Николаи (1737—1820) — поэт, библиотекарь и педагог, наставник императора Павла I.

знаю, что барон Васильев¹⁵ (?) завтра или послезавтра вышлет Вам 10 000 рублей как проценты от приданого моих дочерей,¹⁶ таким образом, надеюсь, что первая нехватка денег будет устранена.

Поскольку я всегда откровенна с Вами, мой старый добрый Кампенхаузен, то должна Вам признаться, что, по-моему, было бы нецелесообразно разделить исполнител<ь>ные функции (?), и это могло бы обидеть того, на кого я возложила эти функции; пусть будет, как есть, итак, мой старый добрый Кампенхаузен, смотрите сами, что Вы считаете наиболее подходящим. Прощайте, всего наилучшего, и будьте здоровы

Мария

Лист 45

3 дек. 1799

Я не хотела отвечать Вам, мой старый добрый Кампенхаузен, до того, как прочту все бумаги; я сделала это, и теперь прошу Вашего сына, так как Ваше здоровье не позволяет Вам этого, прибыть сюда, когда здесь будет наш старый Сиверс, который, как я полагаю, будет после Николаи, тогда мы все приведем в порядок, так как я изложила в письменном виде свои соображения.

Благодарю за помещение денег моих обеих старших дочерей.¹⁷

Скаванчи¹⁸ я назначила временно, до выздоровления старика Сумбатова.¹⁹ Напишите же мне, как у него дела, и передайте ему привет от меня.

Благодарю Вас за выписку из баланса за ноябрь, которая доставила мне удовлетворение во многих отношениях, однако с болью в сердце я увидела, как плохо нам платят, прошу Вас обсудить это со стариком Сиверсом, чтобы посмотреть, что можно сделать; полагаю, их

С 1796 г. — член кабинета императора Павла I в звании государственного секретаря. Президент Российской Академии наук с 15 апр. 1798 г. по 6 февр. 1803 г.

¹⁵ ...барон Васильев... — Имеется в виду Алексей Иванович Васильев (28 февр. 1742—15 авг. 1807) — барон (1797), с ноября 1796 г. — государственный казначей, с 1797 г. — действительный тайный советник, сенатор; в ноябре 1800 г. указом императора уволен со всех должностей. При Александре I восстановлен на государственной службе, введен в графское достоинство и назначен первым министром финансов Российской империи.

¹⁶ ...проценты от приданого моих дочерей... — По традиции, заданной Марией Федоровной, часть процентов от приданого великих княжон тратилась на дела благотворительности (см.: Дело о браке великих княжен Марии, Екатерины и Анны Павловен // РГАДА, ф. 2, ед. хр. 135, л. 107; см. также следующую сноску).

¹⁷ ...помещение денег моих обеих старших дочерей. — Выдавая дочерей замуж за иностранных принцев, для обеспечения их благосостояния вне зависимости от складывающейся политической ситуации Павел I помещал половину выраженного в денежной сумме их приданого в российских банках, другая же половина помещалась в банках их новой родины.

¹⁸ ...Скаванчи... — Вероятно, Петр Валентинович Скаванчи, действительный статский советник, директор судной палаты при Императорском воспитательном доме.

¹⁹ ...старика Сумбатова... — Вероятно, имеется в виду Иван Григорьевич Сумбатов (?—23 июля 1803), кн., действительный тайный советник.

следует предупредить и сказать им, что, если они не будут платить лучше, то мы должны будем объявить их фамилии и представить список в конце года. Хотя нам и платят плохо, кредит Дома ежемесячно увеличивается, что я воспринимаю с удовлетворением и благодарностью. Я также удовлетворена нашей экономией. Конечно, московский Дом²⁰ нам много должен, но поскольку мы две «сестры», то обязаны помогать друг другу. Прощайте, старина, всего наилучшего, да подарит Господь Вам здоровье

С неизменным расположением

Ваша Мария

---

²⁰ ...*московский Дом*... — Имеется в виду московский Воспитательный дом.

Краткая справка об авторе статьи. Профессор Бернхард фон Барсевиш (Prof. Bernhard von Barsewisch, род. 18.04.1935) — доктор медицины, исследователь семейного архива и родственник сенатора барона Бальтазара Ивановича фон Кампенхаузена (Balthasar Iwanowitsch von Campenhausen, 1747—1800) и его знаменитых потомков, верой и правдой служивших России до 1914 г. и вынужденных затем покинуть ее.

Г-н Б. фон Барсевиш является также известным коллекционером фарфора с синей подглазурной росписью. Его уникальная коллекция, экспонировавшаяся в 1990-е гг. в Международном музее керамики в Вальдене (Оберпфальц), с 2002 г. представлена в замке-музее Вольфсхаген (Западный Бранденбург), поместье предков со стороны матери, возрожденном Б. фон Барсевишем вместе с родственниками (см. интервью в журнале АНТИК. ИНФО. 2007. № 51. С. 50—55). Коллекция фарфора занимает 9 залов второго этажа замка, на первом этаже которого представлена экспозиция о быте бранденбургского поместного дворянства. В ноябре 2007 г. Б. фон Барсевиш выступил с сообщением о своей коллекции на первой международной конференции фарфористов в России «Виноградовские чтения-2007 в Петербурге. Фарфор XVIII века: Предприятия. Коллекции. Эксперты» (опубликовано в журнале АНТИК. ИНФО. 2008. № 60. С. 18—27).

С января 2008 г. Б. фон Барсевиш является президентом Ассоциации друзей керамики (Gesellschaft der Keramikfreunde — GKF, Германия), объединившей искусствоведов, коллекционеров, экспертов из более ста музеев и библиотек мира.

До начала конференции г-н фон Барсевиш работал в рукописном фонде ИРЛИ. Он пополнил архив семьи копиями материалов о баронах фон Кампенхаузен. Исследование проводилось в рамках программы «Европейский архив» Международного центра «Helenika» (www.helenika.ru), спонсора и куратора этого проекта, входящего в Швейцарский Центр в Петербурге (Swiss Center Inc., St. Petersburg, www.swisscenter.ru) наряду со вторым спонсором проекта — отелем «Гельвеция» (Helvetia Hotel) — официальной резиденцией участников Виноградовских чтений.

Перевод с нем. Елены М. Тархановой и Мадлен И. Люти